

«Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники о последних днях великого князя Ярослава Всеволодовича

Александр Майоров, Фёдор Веселов

«Piously gave himself up to the obedience of the Roman Church»:
Latin sources on the last days of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich

Alexander Maiorov, Fedor Veselov
(both – Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X25010015, EDN: AJGLLB

В реестрах папы Иннокентия IV сохранились копии двух его посланий Александру Невскому. Содержание второго позволяет сделать вывод, что оно последовало за несохранившимся ответным письмом русского князя¹. Первое письмо датируется 23 января 1248 г.² В нём римский понтифик, ссылаясь на своего посланника к монголам францисканца Иоанна (Джованни дель Плано Карпини), сообщает Александру: «Твой отец (великий князь Ярослав Всеволодович. – *Авт.*), страстно желая обратиться в нового человека, по совету кого-то из своих рыцарей, исполненный смирения, благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через руки того же брата (Иоанна. – *Авт.*). Люди наверняка услышали бы об этом, если бы такая неожиданная и печальная смерть не вырвала его из жизни». Иннокентий IV продолжал увещевать Александра как «законного наследника» Ярослава вместе со своим народом присоединиться к послушанию Римской церкви и папе, представителю Бога на земле. Понтифик настоятельно просил своего корреспондента своевременно информировать его через рыцарей Тевтонского ордена в Ливонии об угрозе нового вторжения монголов, чтобы папа имел возможность «безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать»³.

Разумеется, историки не могли пройти мимо сообщаемой Иннокентием IV информации о готовности Ярослава Всеволодовича вести переговоры с папским посланником и в итоге подчиниться Римской церкви и её главе. Однако сужде-

© 2025 г. А. В. Майоров, Ф. Н. Веселов

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00407.

¹ Подробнее см.: Майоров А. В. Александр Невский, римский папа и монгольский хан: к вопросу о «выборе» между Западом и Востоком // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2021. № 4(86). С. 5–24.

² См.: Les Registres d'Innocent IV (1243–1254). T. I. P., 1884. № 4092. P. 621.

³ Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). Romae, 1962 (Pontificia Commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Ser. 3. Vol. IV/1). № 59. P. 110–112 (здесь же сводка данных о предыдущих публикациях). Русские переводы (по изданию А.И. Тургенева 1841 г.) см.: Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия. Послания Папы Римского Даниилу Галицкому и Александру Невскому // Символ. Журнал христианской культуры при Славянской библиотеке в Париже. 1988. Т. 20. С. 102–104; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь. Конец XII в.– 1270 г.: Тексты, перевод, комментарии. М.; Самолва, 2020. № 11. С. 310–311.

ния по этому вопросу носят взаимоисключающий характер. С одной стороны, уже давно сделан вывод, что сведения, передаваемые папой, можно признать достоверными⁴. С другой — содержащееся в папском послании утверждение, что перед смертью князь Ярослав согласился принять послушание Римской церкви, ставится под сомнение или полностью отвергается как недостоверное.

В качестве доказательства обычно приводится факт, что Плано Карпини в отчёте о поездке к монголам не упоминает о прокатолических настроениях князя Ярослава и о своей роли в обращении его в католичество⁵. Высказывается предположение, что в разговоре с папским посланником Ярослав мог согласиться лишь на переговоры с курией, и это согласие должно было касаться не столько перемены веры, сколько вопроса о совместных действиях против монгольской угрозы. Затем, докладывая папе о результатах дипломатической миссии, Плано Карпини мог преувеличить свою заслугу в обращении Ярослава к католической вере⁶. По мнению одного из критиков, Александр не поверил бы домыслам папы, так как их должны были опровергнуть русские свидетели, сопровождавшие Ярослава в поездке в Монголию и затем вернувшиеся на Русь⁷.

Последний довод представляется наиболее уязвимым. Нетрудно заметить, что папа и его помощники, причастные к составлению письма, предполагали возможность сомнений Александра. В письме русскому князю Иннокентий IV указывает на главного свидетеля обращения Ярослава — некоего рыцаря, доверенного советника покойного князя (*militis consiliarii sui*), который, несомненно, был хорошо известен его сыну, и, следовательно, мог подтвердить правдивость слов папы.

Вопрос об идентификации рыцаря, советовавшего князю Ярославу принять католичество, требует специального источниковедческого исследования. Новейшие переводчики и комментаторы интересующего нас документа ограничиваются только его устаревшим изданием в Актах А.И. Тургенева (1841) без надлежащей сверки с текстом оригинала. Между тем неоднократно отмечены многочисленные ошибки и неточности, допущенные в этом издании⁸, и, кроме того, существует более исправная публикация, подготовленная по современным археографическим правилам сотрудниками Ватиканского Апостольского архива (1962).

Имя рыцаря — *Jemerus*, — читающееся в Тургеневских актах (*de conscientia Jemeris militis consiliarii sui*) и воспроизведённое в современных русских переводах — Емер, Джемер (в присутствии Емера, военного советника; на глазах у рыцаря Жемера, советника его), — возникло в результате слишком вольного обращения с первоисточником. В подлинном тексте регестов Иннокентия IV такого имени нет. Нет его и в лучшем на сегодня ватиканском издании послания Иннокентия IV Александру Невскому. В папских регестах и ватиканском издании

⁴ Ammann A.M. Kirchenpolitische Wandlungen in Ostbalticum bis zum Tode Alexander Newski's. Studien zum Werden der Russischen Orthodoxie. Roma, 1936. S. 238–239; Пашуто В.Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 269; Рамм Б.Я. Папство и Русь в X–XV веках. М.; Л., 1959. С. 161–162; Selart A. Livonia, Rus' and the Baltic Crusades in the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2015. P. 222.

⁵ Рошко Г. Иннокентий IV и угроза татаро-монгольского нашествия... С. 104–106.

⁶ Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 313, примеч. 6.

⁷ Кудрявцев О.Ф. Александр Невский и папство // Александр Невский. Государь, дипломат, воин. М., 2010. С. 165–166; Матузова В.И., Назарова Е.Л. Крестоносцы и Русь... С. 313.

⁸ Майоров А.В. Апостольский престол, Русь и монголы в середине XIII в.: папские регесты и их публикаторы // Диалог со временем. 2025 (в печати).

читается: «*de conscientia tremens militis consiliarii sui*». Следует признать, что это действительно одно из тёмных мест в документе, возможно, испорченном при внесении его в папские реестры (может быть, в утраченном оригинале послания текст выглядел иначе). Приведённая фраза давно вызывает затруднения у публикаторов и комментаторов. Воспроизведившие её историки и копиисты XVII–XVIII вв. – Одорико Рейнальди, продолжатель «Церковной истории» Цезаря Барония, и аббат Альбертранди, помощник польского историка Адама Нарушевича, – предлагали следующее чтение: «*de conscientia cuiusdam militis consiliarii sui*⁹». В новейших русских переводах *conscientia* передаётся как «в присутствии» или «на глазах». Примеры подобного словоупотребления в средневековой латыни нам неизвестны. Предпочтительнее переводы Н.М. Карамзина («по настоящию какого-то своего военного советника»)¹⁰ и А.М. Амманна («*auf den Rat eines seiner Bojaren*» (по совету одного из своих бояр))¹¹.

Что касается загадочного *tremens*, присутствующего в тексте реестров, то, исходя из общего построения фразы, в нём действительно можно было бы видеть личное имя советника князя Ярослава. Не найдя подходящего соответствия, историки иногда заменяли его местоимением *cuiusdus*. Ватиканский архивист, работавший по заказу Тургенева, пошёл другим путём и прочитал неясное *tremens* как *Jemeris*. В итоге получилось вполне определённое личное имя, которое удивительным образом почти полностью соответствует имени *Temer*.

Если в реестрах Иннокентия IV нет имени советника Ярослава, склонявшего его к принятию католичества, или, возможно, оно передано в испорченном виде, то в утраченном оригинале папского послания, вручённом Александру Невскому, это имя, скорее всего, было чётко указано. Чтобы исключить сомнения и кривотолки, Александру надлежало в точности знать, кто именно из окружения отца присутствовал при его кончине и мог подтвердить слова о принятии им католичества перед смертью. Поскольку к составлению послания Иннокентия IV Александру Невскому, несомненно, имел отношение Плано Карпини, вернувшийся из поездки к монголам в ноябре 1247 г. и находившийся при папском дворе в Лионе до февраля 1248 г.¹², с высокой вероятностью можно предполагать, что в оригинале послания имя советника Ярослава значилось в той же форме, что и в письменном отчёте папского посланника, более известном как «История монголов», – *Temerius*. Это имя указывает на тюркское происхождение его обладателя¹³, и, поскольку тюркский язык являлся своего рода *lingua franca* в Монгольской империи¹⁴, легко объяснить, почему Темер оказывал услуги переводчика князю Ярославу и брату Иоанну¹⁵. Его безусловно знал и Александр, и, указывая на него, папа был уверен в надёжности свидетеля, способного развеять любые сомнения насчёт предсмертного волеизъяв-

⁹ Acta Innocentii PP. IV. № 59. Р. 110–112.

¹⁰ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 4. М., 1992. С. 200, примеч. 85.

¹¹ Ammann A.M. Kirchenpolitische Wandlungen... S. 238–239.

¹² Горский А.А. Плано Карпини, Александр Невский и планы хана Гуюка // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 3(77). С. 8.

¹³ Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale et d'Extrême-Orient. Р., 1973. Р. 69.

¹⁴ Абзолов Л. Языки официального делопроизводства и канцелярская культура Золотой Орды // Золотая Орда в мировой истории. Казань, 2016. С. 217–224; Вашари И. Многоговорные и культурные взаимодействия в Золотой Орде // Золотая Орда в мировой истории. С. 528–540.

¹⁵ Об этих услугах Темера Плано Карпини прямо говорит в своём отчёте [IX.40, 49] (*Иоанн де Плано Карпини. История монголов: Текст, перевод, комментарий / Под ред. А.А. Горского, В.В. Трепавлова. М., 2022. С. 118, 125 (текст), 186, 191 (перевод)*).

ления Ярослава. Плано Карпини знал и, очевидно, уведомил папу, что Темер вместе с другими приближёнными Ярослава Всеволодовича после трагической гибели последнего благополучно вернулся на Русь. В связи с этим папский посланник специально подчеркнул, что «от них (Темера и других. – Авт.) при необходимости можно узнать правду» [IX.49]¹⁶.

Находясь при ханской ставке (лето–осень 1246 г.), Плано Карпини близко сошёлся с Ярославом Всеволодовичем и его людьми. Именно последних папский посланник называет главными свидетелями своего пребывания при ханском дворе. Из окружения русского князя он знал как минимум пятерых: один (Темер) определён как *miles*, трое как *servientes* (слуги) и один как *clericus* (духовное лицо) [IX.49]. Ранее в своём отчёте термином *miles* папский посланник обозначил приближённого другого русского князя – Михаила Всеволодовича Черниговского, убитого вместе с ним в ставке Бату [III.4]¹⁷. Из русских источников известно, что его звали Фёдор, и он был боярином¹⁸, что позволяет квалифицировать Темера не как простого слугу–переводчика князя Ярослава, а как знатного человека и ближайшего советника¹⁹, как он и назван в письме папы Александру Невскому. Показания такого свидетеля последних дней жизни Ярослава и его контактов с папским посланником могли иметь для Александра важное значение.

В отчёте Иоанна де Плано Карпини, дошедшем до нас только в беллетристизированной форме, т.е. в виде занимательной книги, рассчитанной на широкого читателя, действительно нет прямых указаний на обращение Ярослава в католичество перед смертью. Однако можно ли на этом основании обвинять его составителя в предоставлении папе заведомо ложных сведений, и при этом настолько важных, что они были использованы в официальной переписке с Александром Невским?

Далеко не все сведения, добытые папским посланником, могли быть представлены в популярной книге для широкой публики. Дополнительную информацию он мог передать папе при личной встрече, например, отвечая на вопросы, возникшие при чтении его отчёта, или давая необходимые пояснения к изложенным в отчёте фактам. Плано Карпини имел такую возможность во время пребывания в течение нескольких месяцев в Лионе. Могли ли среди подобных сведений быть те, что использованы в письме папы к Александру? Наш ответ утвердительный. Подтверждение мы находим в тексте отчёта. При этом важны не только прямые и очевидные свидетельства, но и некоторые малозаметные детали, смысл которых обычно ускользает от внимания исследователей.

Прежде всего отметим, что пребывание папского посланника при дворе великого хана затянулось и продлилось намного дольше, чем он рассчитывал. Францисканцы добрались до ханской ставки «в день святой Марии Магдалины» [IX.28] (22 июля 1246 г.)²⁰ и присутствовали при «возведении Гуюка на императорский трон» «в праздник блаженного Варфоломея» [IX.32] (24 августа)²¹, после чего в числе других иностранных послов были приняты новым правителем

¹⁶ Там же. С. 125, 191.

¹⁷ Там же. С. 42–43, 125, 135, 191.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 808; Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 58.

¹⁹ Горский А.А. Плано Карпини, Александр Невский... С. 8.

²⁰ Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 109, 180, 319, примеч. 39 (комментарий).

²¹ Там же. С. 113, 183, 319, примеч. 42 (комментарий).

в его шатре²². Однако в следующий раз папского нунция пригласили на аудиенцию к хану, чтобы тот мог зачитать послание римского понтифика и получить на него ответ, только «в день блаженного Мартина» [IX.41] (11 ноября)²³ после долгого и изнурительного ожидания. Все это время францисканцев держали на голодном пайке: «У него (хана. — Авт.) мы пребывали целый месяц и так страдали от голода и жажды, что едва выжили, так как съестных припасов, которые они нам давали на четыре дня, едва хватало на один день» [IX.38]²⁴.

Обычно историки объясняют столь жёсткое отношение к папскому посланнику тем, что в нарушение монгольского дипломатического этикета он прибыл к великому хану без подарков²⁵. Это выглядело особенно контрастно на фоне съехавшихся к новому правителью империи других посланников, подносивших «многочисленные дары: шёлк, пурпурный бархат и балдахин, расшитые золотом шёлковые пояса, превосходные меха и другие подношения, такие, что удивительно было и видеть» [IX.34]²⁶.

Несмотря на внешнюю привлекательность, приведённое объяснение нельзя признать уловкой, ведь и после того, как выяснилось, что папские послы прибыли без подарков, отношение к ним не изменилось, и они, по свидетельству Плано Карпини, продолжали пользоваться гостеприимством монголов: «Мы прибыли в другое место, где был поставлен один весьма удивительный шатёр, весь из красного пурпурса, который подарили китаи; и нас провели внутрь него». Этот роскошный шатёр папские послы посещали неоднократно: «И всякий раз, когда мы входили, нам давали пить пиво или вино; нам также предлагали поесть или взять с собой варёного мяса, если мы хотели» [IX.35]²⁷. Значит, дело не в отсутствии у францисканцев богатых подарков для хана и его окружения. Резкая перемена в отношении к ним со стороны монголов — отказ в посещении ханского шатра и перевод на голодный паёк — обусловлены другими причинами.

Следует учитывать, что скромное содержание иностранных послов было для монголов, по-видимому, обычной практикой. Об этом знал сам Плано Карпини, заметивший, что и других послов монголы держали в чёрном теле. Явно стущая краски, он писал: «Послы, прибывающие из других стран, живут в страшной нужде как в отношении пропитания, так и одежды, поскольку их содержание скромное и скучное» [V.23]²⁸. Подобные свидетельства находим в отчётах других европейских миссий²⁹. Гильом де Рубрук, посетивший двор хана Мунке в 1254 г. как посол французского короля Людовика IX, получал с двумя спутниками по миске проса в день и «маленько тощего барана», который выдавался на троих на шесть дней [XXIX.17]³⁰. Но даже на этом

²² Там же. С. 112, 183.

²³ Там же. С. 118, 187, 331, примеч. 53 (комментарий).

²⁴ Там же. С. 116—117, 185.

²⁵ Painter G.D. Foreword // *The Vinland Map and the Tartar Relation*. New Haven; L., 1965. P. 37—38; Rachewiltz I. Papal Envos to the Great Khans. L., 1971. P. 101; Jackson P. The Mongols and the West, 1221—1410. Harlow, 2005. P. 90.

²⁶ Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 114, 183—184.

²⁷ Там же. С. 114—115, 184.

²⁸ Там же. С. 68, 150.

²⁹ История татар Симона де Сен-Кантена и Иоанна де Плано Карпини (в изложении Винсента из Бове), XXXII:49 (URL: <https://postponed-world-conquest.spbu.ru/history-of-the-tartars.html>).

³⁰ Guglielmo di Rubruk. *Viaggio in Mongolia (Itenararium)*. Roma; Milano, 2011. P. 172; The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of the Great Khan Möngke, 1253—1255 / Transl.

фоне полуголодное существование папских посланников, поставившее их на грань выживания, заметно отличается от условий содержания других послов, чьё скромное довольствие обычно компенсировалось сравнительно частыми приглашениями на различные праздники и приёмы, сопровождавшиеся обильными застольями³¹. Рубрук в ставке Мунке виделся с ханом едва ли не каждую неделю и получал приглашения к ханскому столу [XXVIII.13–21; XXIX.20, 28, 41, 54 и проч.]³².

Плано Карпини, несомненно, знал и об этой стороне монгольского гостеприимства. В первый период пребывания в ханской ставке он встретил совсем другой приём, более соответствовавший статусу папского посланника («с нами, однако, обращались лучше, чем с другими послами» [IX.29]). Монголы «оказали великую честь» францисканцам, предлагая кумыс и пиво и угождая так обильно, что последние «не могли этого никоим образом выдержать» [IX.30]. Во время четырёхнедельного праздника по случаю ожидаемого избрания нового хана посланник папы римского, сблизившись с русским князем Ярославом Всеволодовичем, с удовлетворением отмечал особое отношение к себе со стороны монголов: «Нам же и князю Ярославу они почти всегда предоставляли более высокое место» [IX.31]³³.

Однако на последнем этапе пребывания в ханской ставке францисканцы испытали горькое разочарование. Отношение к ним со стороны монголов разительно изменилось: папские послы лишились возможности видеться с Гуюком, перестали получать приглашения на праздники и приёмы и целый месяц провели в крайней нужде, страдая от голода и жажды. Очевидно, спустя некоторое время после избрания Гуюка и первого визита к нему папского посланника произошло значимое событие, вызвавшее отсрочку исполнения дипломатической миссии Плано Карпини и ставшее причиной своего рода карантина, в котором он в течение месяца пребывал в стеснённых условиях. О таком событии, связанном с трагической судьбой великого князя Ярослава Всеволодовича, повествует он сам.

После описания первого приёма у Гуюка и пиршеств в пурпурном шатре, где был установлен трон для нового императора, Плано Карпини сообщает о последних днях и кончине великого князя Ярослава Всеволодовича, которым он был свидетелем. Смерть Ярослава произошла вскоре после того, как мать Гуюка, пригласив князя к себе на пир, «дала ему еду и питьё своей рукой, как бы оказывая честь; и он вернулся туда, где он жил, немедленно заболел и умер через двенадцать дней, а всё его тело удивительным образом посинело» [IX.37]. И когда после смерти Ярослава папский посланник со своим спутником попытались вновь предстать перед Гуюком, хан отказался их принимать. Сначала это было сделано под благовидным предлогом, — готовясь объявить о возобновлении войны с латинским Западом, Гуюк будто бы пожелал скрыть свои

P. Jackson. L., 1990. P. 188; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 146.

³¹ Согласно Рубруку, во время праздников иностранных послов приглашали и угождали не только ханы [XXIX.15–16] (*Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itenararium)*). Р. 172; The Mission of Friar William of Rubruck... Р. 187–188; Путешествия в восточные страны... С. 146.

³² *Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itenararium)*. Р. 154–162, 176, 182, 192, 204; The Mission of Friar William of Rubruck... Р. 177–180, 190, 193–194, 198, 205; Путешествия в восточные страны... С. 140–143, 147, 149, 152, 156.

³³ Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 112, 181–182.

планы от посланников папы: «Когда император услышал от наших татар, что мы к нему пришли, приказал нам вернуться к его матери из-за того, что он хотел на следующий день поднять сюг против всех земель Запада... это он хотел скрыть от нас». В действительности подобные планы, объявленные во всеуслушание, ни для кого не являлись секретом, и Плано Карпини без труда узнал о них от «других людей, которым была известна истина» [IX.38]³⁴. В его отчёте ничего не говорится о том, получил ли он личную аудиенцию у матери хана, и в каких условиях он пребывал при её дворе. Зато, как мы уже видели, подробно описаны страдания от голода и жажды, которые испытали францисканцы, когда через несколько дней возвратились ко двору Гуюка. Новая аудиенция была предоставлена папским послам только через месяц, после изнурительного ожидания, когда они оказались на грани голодной смерти [IX.38]³⁵.

В отчёте Плано Карпини причинно-следственная связь между его присутствием при смерти князя Ярослава и месячным запретом на личное общение с ханом и посещение ханского шатра прямо не раскрывается. Однако она становится очевидной, если обратить внимание на ещё одно свидетельство папского посланника, внешне никак не связанное с этими событиями, но, несомненно, прямо относящееся к ним. При описании погребальных обрядов монголов он сообщает, что, когда у умирающего начинается агония, «все оставляют его, поскольку те, кто присутствовал при его смерти, не могут входить в ставки князей или императора до следующего новолуния» [III.11]³⁶. О существовании подобного обычая у монголов свидетельствовал и Рубрук: «Любой, кто присутствует при смерти взрослого человека, не входит в резиденцию Мангу хана в течение года; и он не входит туда, пока не закончится луна (лунный месяц, согласно уйгуро-монгольскому календарю. – Авт.), если умерший человек – ребёнок» [VIII.3]³⁷. Поэтому Рубрука предупредили у смертного одра несторианского священника Ионы, чтобы он покинул умирающего. В противном случае ему будет запрещено посещать хана Мунке в течение целого года [XXXI.6]³⁸.

Оба источника сходятся в том, что монголы запрещали посещать шатры своих правителей и особенно великого хана всем, кто присутствовал при смерти другого человека. В отличие от Плано Карпини, Рубрук говорит, что подобный запрет продолжался целый год. Если это не намеренное преувеличение, то, возможно, в правление Мунке правила посещения императора стали более жёсткими, или, может быть, для иностранных послов всё же делалось исключение, и соответствующий запрет мог ограничиваться одним месяцем. В отличие от Рубрука, предупреждённого о последствиях и отказавшегося присутствовать при смерти несторианина, Плано Карпини, очевидно, не сделал этого и остался при князе Ярославе до самой его кончины.

В отчёте папского посланника есть ещё одно важное свидетельство, подтверждающее, что он действительно присутствовал при смерти Ярослава. Возможность вновь предстать перед ханом Гуюком (после месяца тягостного ожидания) он получил только «в день блаженного Мартина», т.е. в праздник

³⁴ Там же. С. 115–116, 184–185.

³⁵ Там же. С. 116, 185.

³⁶ Там же. С. 46, 137.

³⁷ *Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itenararium).* P. 44–46; *The Mission of Friar William of Rubruck...* P. 94; Путешествия в восточные страны... С. 102.

³⁸ *Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itenararium).* P. 228; *The Mission of Friar William of Rubruck...* P. 219; Путешествия в восточные страны... С. 164.

св. Мартина Турского, отмечавшийся 11 ноября. Эта дата совпадает с первым днём после ноябрьского новолуния, которое в 1246 г. пришлось на 10 ноября³⁹, и с началом десятого лунного месяца по уйгуро-монгольскому календарю⁴⁰. Таким образом, после смерти князя Ярослава, произошедшей, согласно русским источникам, 30 сентября 1246 г.⁴¹, был выдержан полный лунный месяц – с 11 октября по 10 ноября, – прежде чем папский посланник получил приглашение к хану Гуюку.

В течение этого месяца Плано Карпини неоднократно пытался встретиться с Гуюком, но под разными предлогами получал отказ или имел дело с придворными чиновниками, выступавшими в роли посредников, строго следивших, чтобы у францисканцев не было прямого контакта с ханом: «Император послал за нами и приказал объявить нам через своего протонотария Чинкай, чтобы мы записали наши речи и дела и передали ему, что мы и сделали... И по прошествии нескольких дней он приказал позвать нас снова и передал нам через Кадука (Кадака), верховного управляющего всей его империи, в присутствии Бала и протонотария Чинкай и прочих многочисленных писцов, чтобы мы произнесли все речи; что мы добровольно и охотно и сделали» [IX.40]⁴².

Но даже когда наступил долгожданный «день блаженного Мартина», францисканцев не допустили в резиденцию хана: «Нас снова позвали, и к нам явились Кадок (Кадак), Чинкай и Бала, и вышеупомянутые писцы и перевели для нас послание слово в слово (ответное послание Гуюка Иннокентию IV. – Авт.)» [IX.41]. Следовательно, и по истечении полного месяца запрет на посещение ханской резиденции и личное общение с ханом для них не отменили. Разочарованный папский посланник записал: «У императора татар есть обычай ни в коем случае не говорить с чужеземцем, сколь бы ни был он высокопоставлен, кроме как через посредствующее лицо, но слушает и отвечает, как это было сказано, через посредника» [IX.42]⁴³.

Приведённое утверждение, разумеется, не соответствует действительности. Оно опровергается показаниями Рубрука, имевшего возможность свободно посещать резиденцию хана Мунке и общаться с ним напрямую, без посредников (за исключением переводчика) [XXVIII.13–21]⁴⁴. Дискриминация, которой подвергся Плано Карпини, касалась только его и была вызвана совершённым им нарушением одного из важных для монголов правил. Свою оплошность, едва не сорвавшую переговоры с ханом Гуюком и в значительной мере обесценившую результаты всей дипломатической миссии, папский посланник пытался скрыть от читателей «Истории монголов». Он ничего не сказал о нарушенном им запрете присутствовать при смерти другого человека перед визитом к хану (хотя, несомненно, знал о нём), а отказ Гуюка от личной аудиенции объяснял надуманной причиной, – будто бы монгольский хан с любыми иностранными

³⁹ Расчёт произведен на основе таблицы дат определения новолуний для стран Восточной и Юго-Восточной Азии В.В. Цыбульского (Цыбульский В.В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии с переводом на даты европейского календаря (с 1 по 2019 г. н.э.). М., 1988. С. 14–16).

⁴⁰ Там же. С. 250.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 471.

⁴² Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 117–118, 186.

⁴³ Там же. С. 118–119, 187.

⁴⁴ Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itenararium). Р. 154–162; The Mission of Friar William of Rubruck... Р. 177–180; Путешествия в восточные страны... С. 140–143.

послами общался только через посредников. Возможно, поэтому в «Истории монголов» не нашлось места для упоминания о пребывании папского посланника у смертного одра князя Ярослава и совершённых им при этом обрядах.

Несомненно, в окружении князя Ярослава был православный священник, которого лично знал Плано Карпини, упомянувший его как клирика *Дубаслава* (*Dubazlaus clericus*, возможно,искажённое *Доброслав*) в числе других свидетелей своего пребывания в ханской ставке [IX.49]⁴⁵. Однако ему, вероятно, с помощью боярина Темера удалось убедить умирающего Ярослава совершить последние земные обряды по правилам Римской церкви. Иначе трудно объяснить, зачем папскому посланнику понадобилось присутствовать при смерти русского князя, рискуя провалом своей дипломатической миссии.

Оставаясь при Ярославе до самой его смерти, Плано Карпини, несомненно, преследовал цель, которая для него являлась не менее важной, чем переговоры с ханом. С помощью своего спутника, Бенедикта Поляка, владевшего русским языком⁴⁶, он должен был исповедовать и благословить умирающего, а также совершить последние обряды по правилам Римской церкви, что фактически означало примирение с Римом усопшего князя⁴⁷. Полученного таким способом формального признания главенства Рима оказалось достаточно, чтобы папа Иннокентий IV в письме Александру Невскому мог заявить: перед смертью Ярослав «благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через руки того же брата (Иоанна. – Авт.)».

Через несколько лет в подобной ситуации оказался и Гильом де Рубрук. Во время пребывания в ставке Мунке он причастил и соборовал умершего там несторианского священника Иону. Благодаря свидетельству Рубрука, передавшего детали совершённых обрядов, можно представить, в чём состояла роль Плано Карпини, присутствовавшего при смерти князя Ярослава. Это сопоставление уместно: оба они были священнослужителями Римской церкви, действовали по одним правилам, и в задачи их миссии входила прозелитическая деятельность среди восточных христиан.

Придя к умирающему, Рубрук первым делом предложил ему признать главенство римского папы: «Я убеждал его признать, что папа был отцом всех христиан» [XXXI.4]. Только получив согласие, он приступил к совершению предсмертных обрядов: «Это практика Римской церкви, – сказал он, – что больные принимают Тело Христово как последнее таинство (*viaticum*) и защиту от всех ловушек Врага. Вот Тело Христово, которое я освятил на Пасху: вам следует заявить о своей вере в него и попросить его». Несторианин с готовностью принял из рук францисканца «Тело Христово». Затем последний начал читать латинскую «службу за умирающего, намереваясь присутствовать при его смерти», но, предупреждённый о нежелательных последствиях, удалился. Однако после смерти несторианина Рубрук вернулся к его телу, чтобы завершить обряд, и «помазал» покойника «согласно правилу Римской церкви» [XXXI.5–6]⁴⁸.

⁴⁵ Иоанн де Плано Карпини. История монголов... С. 125, 191, 335–336.

⁴⁶ Горский А.А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, въ правду, безо всяких хитрости». Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014. С. 185, примеч. 24.

⁴⁷ Ammann A.M. Kirchenpolitische Wandlungen... S. 239.

⁴⁸ Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itenararium). Р. 226–229; The Mission of Friar William of Rubruck... Р. 218–219; Путешествия в восточные страны... С. 164.

Совершить предсмертные обряды по правилам Римской церкви можно было только с согласия умирающего. В случае с несторианским священником такое согласие объясняется общей готовностью несториан признать верховенство римского папы. Об этом свидетельствовал сам Рубрук: «Фактически они (несториане. — Авт.) признавали перед нами, что Римская церковь является главой всех церквей, и что они должны принять патриарха от папы, если пути к нему будут свободны» [XXX.10]⁴⁹. Готовность Несторианской церкви к единству с Римом и признанию главенства папы подтверждается другими историческими свидетельствами XIII в., в том числе происходящими из несторианской среды⁵⁰.

К середине XIII в. относятся многочисленные свидетельства активизации переговоров о союзе и возможном объединении Римской и Византийской (Греко-Константинопольской) церквей. Монгольская угроза, с одной стороны, и настойчивое стремление греков вернуть под свою власть Константинополь — с другой привели к новым попыткам светских и церковных властей Никейской империи возобновить союзные переговоры с папством и заявить о готовности признать верховную власть римского понтифика в церковных делах⁵¹. Русские князья и высокопоставленные иерархи играли активную роль в установлении контактов Никеи с Римом. Русский архиепископ Пётр, временный глава Киевской митрополии Византийской церкви, выступивший перед делегатами Лионского церковного собора (май–июнь 1245 г.), доставил папе предложение никейских властей о союзе церквей на основе преодоления доктринальных разногласий⁵².

По всей видимости, архиепископ Пётр выполнял ещё одну важную миссию при папском дворе, будучи одновременно представителем интересов монголов, новых властителей Киева и Южной Руси. Одна из его задач состояла в том, чтобы дезориентировать Римскую церковь и побудить её главу первым начать мирные переговоры с монголами. Поэтому в своих показаниях владыка стремился убедить папу и кардиналов, что свирепые завоеватели благосклонно (*benigne*) принимают послов и не причиняют им никакого вреда. Воодушевлённый этими сведениями, папа незамедлительно направил к ним своих представителей (одним из которых стал Плано Карпини). Пётр не предупредил папу только об одном: монголы приветствовали иностранных послов, потому что рассматривали их отправку как выражение готовности подчиниться своей власти, как первый шаг к признанию верховной власти хана. В политической культуре монголов любая просьба о мире расценивалась как готовность к добровольному подчинению. Не сделав этого шага, установить мир с монголами было невозможно⁵³.

⁴⁹ *Guglielmo di Rubruk. Viaggio in Mongolia (Itenararium)*. P. 218–221; *The Mission of Friar William of Rubruck...* P. 213–214; Путешествия в восточные страны... С. 161.

⁵⁰ *Dauvillier J. Guillaume de Rubrouck et les communautés chaldéennes d'Asie centrale au Moyen Âge // L'Orient Syrien*. 1957. Т. 2. Р. 223–242; *Pelliot P. Recherches sur les chrétiens d'Asie centrale...* Р. 185–187.

⁵¹ *Майоров А.В. Апостольский престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // Византийский временник*. 2019. Т. 103. С. 128–152; *Maivorov A.V. A medieval effort toward unity: Latins, Greeks, Russians and the Mongol Khan // Journal of Medieval History*. 2023. Vol. 49. № 4. Р. 495–515.

⁵² *Майоров А.В. Русский архиепископ Пётр на Лионском соборе // Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2019. № 4(78). С. 18–32; *Maivorov A.V. The Rus Archbishop Peter at the First Council of Lyon // Journal of Ecclesiastical History*. Vol. 71. 2020. № 1. Р. 20–39.

⁵³ *Jackson P. The Testimony of the Russian ‘Archbishop’ Peter Concerning the Mongols (1244/5): Precious Intelligence or Timely Disinformation? // Journal of the Royal Asiatic Society. Series 3*. 2016. Vol. 26. P. 65–77.

Получив указание из Никеи начать новый раунд переговоров с папой, архиепископ Пётр, находившийся тогда, вероятнее всего, в Киеве, должен был согласовать свои действия с новым киевским князем Ярославом Всеволодовичем, в 1243 г. получившим киевский стол по решению Бату⁵⁴. Исследователи неоднократно высказывали более или менее обоснованные предположения, что Пётр имел личные связи с князем Ярославом и отправился на Запад при его содействии⁵⁵. Недавно ставший вассалом монгольского хана и вынужденный проводить его политику, Ярослав должен был поручить Петру убедить папу вступить в мирные переговоры с монголами. Объективно архиепископ выступал в роли двойного дипломатического агента, представлявшего интересы церковных властей Никеи и монгольского хана – нового верховного правителя Руси.

По возвращении из Лиона Пётр, очевидно, проинформировал князя Ярослава о результатах своей миссии, всех целей которой удалось достичь: папа выразил готовность к возобновлению переговоров с Никеей, начавшихся в скором времени⁵⁶, а также отправил не менее трёх посольств к монголам с мирными предложениями. Плано Карпини, один из главных папских посланников к монголам, если и не был лично знаком с архиепископом Петром, то, несомненно, ознакомился с его показаниями, записанными ещё до начала работы Лионского собора: восемь глав «Истории монголов» по своей тематике и содержанию соответствуют вопросам, заданным русскому архиепископу папой и кардиналами⁵⁷.

Неудивительно, что, оказавшись при ханской ставке, Плано Карпини и князь Ярослав близко сошлись, совместно посещали официальные приёмы, устраиваемые монгольскими властями, на которых получали почётные места друг возле друга. Боярин и советник Ярослава Темер неоднократно оказывал услуги папскому посланнику как переводчик, а другие лица из окружения русского князя делились с ним конфиденциальными сведениями, которые он затем использовал в отчёте⁵⁸. Подобным образом могли вести себя только близкие союзники, пользовавшиеся доверием друг друга.

По всей видимости, лояльность Ярослава Всеволодовича в отношении Римской церкви была того же рода, что и у его сына Александра Невского, и зависела прежде всего от внешнеполитической ситуации. Наряду с описанным выше влиянием Никеи, чьи правители для возвращения Константинополя

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 470.

⁵⁵ Abraham W. Powstanie organizacji kościoła łacińskiego na Rusi. T. 1. Lviv, 1904. S. 119, przyp. 1; Ammann A. M. Kirchenpolitische Wandlungen... S. 246–247, anm. 4; Dörrie H. Drei Texte zur Geschichte der Ungarn und Mongolen // Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen. Philolog.-hist. Klasse, 1956. № 6. S. 183, 187; Толочко О.П. Петро Акерович – гаданий митрополит всія Русі // Український історичний журнал. 1990. № 6. С. 53.

⁵⁶ Майоров А.В. Между Никеей, Лионом и Каракорумом: ориентиры внешней политики Александра Невского // Александр Невский: личность, эпоха, историческая память. К 800-летию со дня рождения. М., 2021. С. 97–111.

⁵⁷ Bezzola G.A. Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; Munich, 1974. S. 124–149; Schmieder F. Europa und die Fremden. Die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen, 1994. S. 199; Jackson P. The Mongols and the West. P. 90–91.

⁵⁸ Guzman G.G. European captives and craftsmen among the Mongols, 1231–1255 // The Historian. 2010. Fol. 72. P. 122–150; Jackson P. Franciscans as papal and royal envoys to the Tartars, 1245–1255 // The Cambridge Companion to Francis of Assisi. Cambridge, 2012. P. 224–239; Горский А.А. Об обстоятельствах гибели великого князя... С. 185.

использовали любые средства и шли на любые уловки вплоть до обещаний подчинить папе Византийскую церковь, Ярослав и Александр находились под сильным влиянием внешней политики монголов, реализуемой в отношении Латинского Запада.

Новый хан Гуюк, прия к власти, вернулся к планам завоевания Запада, прерванным смертью Угэдэя⁵⁹. Оказавшись под властью монголов, русские князья были интегрированы в военно-административную структуру империи и должны были участвовать в дальнейших завоеваниях. По сообщению Плано Карпини, осенью 1246 г. Александра Невского вызвали в ставку монгольского императора, где его могла ожидать гибель или «вечный плен» [IX.37]. В действительности за этим вызовом скрывалось намерение монгольских стратегов использовать его в войне с теми, кого он недавно побеждал, — рыцарями Тевтонского ордена. Ведь тогда же хан Гуюк во всеуслышание заявил о решении отправить одну из своих армий в Ливонию и Пруссию⁶⁰.

Пока шла подготовка новой завоевательной кампании против Запада, усиленно работала монгольская дипломатия, преследовавшая цель склонить его главных правителей, включая папу Иннокентия IV, императора Фридриха II и французского короля Людовика IX, к признанию верховной власти хана. В 1248 г. монгольские власти вели мирные переговоры сразу со всеми этими правителями, используя в качестве послов или посредников восточных христиан⁶¹. В обмен на признание верховной власти хана монголы могли обещать папе не только сохранение его власти над латинскими христианами, но и подчинение христиан Ближнего Востока и Восточной Европы, прежде всего тех из них, кто уже оказался под властью завоевателей. Неожиданная смерть хана Гуюка смешала и разрушила эти планы⁶².

⁵⁹ Kim H. A Reappraisal of Güyük Khan // Mongols, Turks, and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Leiden; Boston, 2005. P. 329–331.

⁶⁰ Горский А.А. Плано Карпини, Александр Невский... С. 10.

⁶¹ Maiorov A. V. The Dragon Turns its Gaze to the West: The Mongol Empire's Global Diplomacy in the Mirror of Outsiders' Chronicles // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 78. 2025. Iss. 3 (*in print*).

⁶² Майоров А.В. Александр Невский, римский папа и монгольский хан... С. 15–19.